

304265

Яков Яковлевич

ГВАРДИЯ, ВПЕРЕД!

Газетно-книжное издательство Обкома ВКП(б)
Саратов

1943

ЯКОВ БЕЛИНСКИЙ

ГВАРДИЯ, ВПЕРЕД!

СТАЛИНСКАЯ ГВАРДИЯ!

В огне Великой Отечественной войны советского народа против фашистского нашествия ковалась твоя мощь, подымалась твоя слава. Не один раз испытывали фашистские захватчики сокрушительную силу твоих ударов.

Никогда не померкнет в сердце народа память о разгроме врага у Сталинграда и на среднем Дону. В мраморных залах дворцов будут хранить потомки, как святыню, боевые стяги гвардейских дивизий, бывших в первых рядах воинов, отстоявших свободу Родины...

Резкий, порывистый ветер вздымал тяжелые бархатные полотнища знамен. Высоко в бледном августовском небе сияло солнце, осеняя знамя Гвардии. То вспыхивало, то гасло тусклое золото, которым расшита была пурпурная ткань. Торжественная тишина стояла над площадью, где ровно, нерушимым квадратом было выстроено соединение.

Казалось, еще не остыла горячая слава недавних боев, и отблески битвы лежат на мужественных, обостренных лицах гвардейцев... Суров, бесстрашен устремленный вперед взгляд.

Лишь двенадцать суток тому назад вышло соединение из полосы победных боев, где в тяжелых схватках с численно превосходящим, мощно оснащенным техникой врагом рождалась его слава, прошедшая по всему Союзу.

Сегодня было празднество соединения.

Еще строже стала тишина и точно притих ветер, когда поднялся на трибуну Оленин, Василий Максимович, заместитель командира по политической части.

— Гвардейцы! Чудо-богатыри! — Так называл великий наш полководец Суворов непобедимых русских воинов. Трудный путь прошли вы за эти

месяцы. Скрестили победную советскую сталь с оружием сильного и вероломного врага и вышли победителями. И Родина вручила вам священное знамя Гвардии..

— Не только силой своего оружия,—мужеством и отвагой, благородным презрением к смерти и упорством, не знающим, что значит шаг назад, — завоевали вы его. Будем же хранить свое знамя, как зеницу ока, в новых боях с врагом умножая его славу..

— Вспомним сегодня,—продолжал он,—и тех товарищей, с которыми плечом к плечу добывали мы победу и которым не привелось видеть сегодняшнего счастливого дня.

Чуть дрогнул полос Оленина, и на мгновение опустил он глаза.

— Не умрет память о них. В своих сердцах будем хранить ее. Напишут о героях книги и сложат песни. И молодые бойцы будут учиться на их подвигах искусству промочь врага.

Поднялся на трибуну командир соединения, генерал-майор Александр Онуфриев. Он стоял невысокий, крепко и ладно скроенный, плечистый, положив руку на чеканную рукоять гвардейского кинжала. В полоборота повернули головы фланги, и тысячи глаз остановились на лице любимого командира. Взгляд командира соединения ласково и внимательно скользил по рядам своих боевых соратников. И заново перед его глазами вставали недавние схватки..

Вот командир подразделения майор Корнаухов—суровый воин, немногословный обычно, яростный

и неудержимый в бою, с которым сквозь заснеженные леса продвигались они, ломая немецкую оборону...

Вот молодой гвардеец Долгов, с которым бок о бок шел генерал по пояс в ледяной воде во время знаменитого перехода дивизии по болотам, прихваченным поздним весенним ледком.

Он раскрыл список, и одно за другим зазвучали на плацу имена героев-гвардейцев, награжденных Правительством Союза орденами и медалями.

И вышли из рядов старые гвардейцы, на груди которых сверкали ордена Союза. А у некоторых — и по два, и по три. Они построились в колонну.

Подняв к солнцу широкие раструбы, зазвенели фанфары. Чеканным шагом, сжав в руках боевые винтовки, колонна пошла вдоль выстроившегося соединения.

Это было необычайное зрелище.

Стояли в шеренгах молодые бойцы нового пополнения, удостоенные чести быть принятыми в увенчанное славой соединение... И когда увидели они это шествие, сердца их забились, наполненные великим волнением и гордостью...

Прошло не больше недели со дня праздника дивизии, и соединение получило боевой приказ.

Это были суровые дни обороны Сталинграда. Фашистские полчища, выполняя приказ бесноватого фюрера, точно одержимые, лезли к городу Сталина. «Сталинград будет взят, — вы можете

быть уверены в этом», — заявил своим войскам Гитлер, согнав к сталинградскому фронту миллионную армию, оснащенную тысячами танков и самолетов.

На выжженных солнцем приволжских и придонских полях прогремел по-новому кутузовский клич, обращенный великим полководцем сто тридцать лет тому назад к гвардейцам Бородино:

«Стоять на смерть! Ни шагу назад!»

«Ни шагу назад,
Отстоим Сталинград!...»

завучали эти слова в песне гвардейцев, защитников города Сталина.

Остановить врага у стен волжской твердыни и, подготовив сокрушительный контрудар, разгромить на широких донских просторах — таков был гениальный замысел Сталина, воплощенный Красной Армией под его водительством в жизнь.

На самые трудные участки были брошены гвардейские дивизии.

Спешно разгружался эшелон, в котором прибыли на фронт гвардейцы Онуфриева.

Еще в пути были боеприпасы, еще в вагонах на железнодорожных линиях неразгруженными оставались тылы, а уже, проделав восьмидесятикилометровый марш, части дивизии подошли к Дону, с хода вступая в бой.

Это были схватки невиданной силы.

Немцы обрушились на гвардейцев с воздуха. Десятки пикирующих бомбардировщиков повисли над землей, посылая на наши позиции злобную сталь своих авиабомб. Снаряды и мины, клейменные свастикой, рвали берег, на который оперлись гвардейские части, готовясь к прыжку вперед.

В этом крошечном аду, где не смолкая грохотали разрывы и воздух, перемешанный с землей, был пронизан свистящим, несущим смерть железом, гвардейцы-саперы наводили переправу... Огромные фонтаны воды от разрывов авиабомб непрерывно вставали то слева, то справа от нее... Рвалась струна переправы. Но саперы, не отрываясь, работали под крыльями юнкерсов, точно не замечая смерти, завывавшей над их головами... И переправа оживала вновь. Под покровом темноты подразделения Корнаухова и Кобца перешли по ней через Дон. Подразделение Дробышевского на лодках и плотах, изготовленных из связанных плетней, бесшумно форсировало Дон с севера...

Глухую тишину ночи пробил первый советский снаряд и, проломив бревенчатый накат вражеского блиндажа, взорвался внутри... За ним — второй, третий... Ответила немецкая артиллерия. Черная ночь наполнилась тяжким грохотом пушечных выстрелов и разрывов артснарядов.

Загорелись деревянные хаты станицы, превращенные немцами в укрепления. Нервно застрекотали короткие автоматные очереди, и темные силуэты рванулись навстречу гвардейцам. Немцы контратаковывали сильными группами. Грудь с грудью

встречались гвардейцы с фашистами в рукопашном бою, схватываясь не на жизнь, а на смерть.

Немецкий гарнизон, оборонявший станицу, был разгромлен. Но, захватив плацдарм на западном берегу Дона, Онуфриев решил расширить его и двинулся вперед.

Путь гвардейцам преградила сильно укрепленная врагом степная высота. Цепь дзотов, мощные проволочные заграждения «в три кола», минированные поля и пулеметные гнезда, простреливающие всю местность впереди, делали ее почти неприступной.

Первая атака гвардейцев была отбита. Перегруппировавшись и подтянув резервы, они атаковали вторично. Но и эта атака была остановлена сплошным ливнем огня и металла из вражеских дзотов.

Лишь на левом фланге взвод пулеметной роты с командиром, гвардии сержантом Макаровым, прорвавшись к линии немецкой обороны, истребил находившихся там фашистов и засел в блиндаже, направив оба своих пулемета против немцев.

Блиндаж с восемью отважными гвардейцами явился островком среди немецких дзотов и огневых точек...

Быстро уходит за край степи позднее багровое солнце... Шумит высохший степной бурьян. Куда ни глянешь—нет конца края родным придонским просторам... Россия, милая советская земля. Много сотен километров от маленькой высотки в степи до любимой Москвы, до родного Сталина. Но незримые нити протянулись от далекого Кремля сюда,

вдохнули в сердца гвардейцев могучую силу. А кругом маленького советского островка-блиндажа — враг... Неподвижно нацеленные дула фашистских пулеметов со всех сторон повернуты к блиндажу...

Всей мощью своих огневых средств обрушились немцы на группу смельчаков, точно желая стереть их с лица земли.

Рвутся фашистские мины, забрасывая гвардейцев грудами черной сухой земли. Пулеметные очереди то, свистя, прошивают воздух над головами бесстрашных бойцов, то, взбивая сухой прах, плотными рядами ложатся у бруствера...

Целая рота пьяных гитлеровцев, сея перед собой густой автоматный огонь, идет на штурм блиндажа, окружая его с трех сторон. Непроницаемой, грохочущей стеной артиллерийских разрывов отрезаны наши части от горстки героев-гвардейцев...

К верному «максиму» прильнул Макаров, спиной к нему за своим пулеметом — Кузнецов, ошестив во все стороны автоматы, лежат бойцы Воробьев, Юмашев, Куст...

Фашисты совсем близко...

— Огонь, — коротко бросает Макаров, — и точно могучий, невидимый поток сметает со склонов холма немецкую нечисть.

Вновь обрушиваются немцы шквалом снарядов и мин на холмик, где, глубоко врезавшись в землю, закрепились гвардейцы. Надвигается ночь, и ненавистный фашистам блиндаж сможет стать прозой силой, способной помочь советской пехоте в атаке...

Зловещее безмолвие воцаряется над степью.

— Товарищи, — говорит Макаров, — немец пойдет на смертный бой. Другого выхода ему нет. Будем готовы к гвардейскому ответу. Не было случая, чтобы наша часть отступала. Вспомним подвиг двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев! Вспомним нашу клятву на гвардейском знамени. Не замараем его чести!

— Буду биться до последнего патрона, — просто и сурово сказал немногословный, плечистый рязанец Юмашев.

— А выйдут патроны, зубами перерву немцам глотку, — горячим шепотом добавил живой, безудержно смелый москвич Кузнецов.

Под высокими звездами донской ночи верным гвардейским словом поклялись бойцы.

Всю ночь бьет фашистская артиллерия трассирующими снарядами по блиндажу, одна за другой взлетают в черную бездонность неба вражеские ракеты, неподвижно повисая над грохочущей степью, бледным светом озаряя ее.

— Ага, «люстры» подвесил... Не поможет! — сурово решают готовые достойно встретить врага бойцы.

Теперь уже две полных роты своих головорезов бросают гитлеровцы против отрезанных от своей части гвардейцев.

Немецкие цепи так близко прорываются к блиндажу, что видны мертвенные, зеленоватые при свете ракет, осатанелые в своем бешенстве лица эсэсовцев... Но чувство страха неведомо защитникам высоты. Отирая ладонью пот битвы с лица,

вновь припадают они к родным кургузеньким автоматам. Вновь и вновь под их губительным огнем откатываются прочь вражеские цепи, оставляя у блиндажа издыхающих, оскаленных в предсмертной тоске фашистов, и ощущение своей мощи и непобедимости, чувство торжества наполняют сердца гвардейцев.

Точно прикипели к рукояткам пулеметов руки Макарова и Кузнецова... Но уже смертельно ранен разрывной пулей в грудь бесстрашный Юмашев. Прижимая к груди безотказный свой автомат, медленно склоняется на краешке блиндажа гвардеец Куст...

На рассвете четыре немецких танка двинулись в блиндажу. Тяжело лязгая гусеницами, приземистые сумрачные чудовища бегут вперед, желая тоннами стали сокрушить, смять, втоптать в землю гордое человеческое упорство восьми.

Гвардейцы молча придвигают гранаты и бутылки с зажигательной смесью...

И Макаров, не оборачиваясь, кидает Кузнецову

— Коля... — Никогда прежде командир отделения не называл его по имени, а теперь, в минуту смертельной опасности получилось так. Коля... — повторяет он, — помнишь нашу клятву?..

— Я жив еще, Макаров, — говорит Кузнецов, — не будет врагу дороги!..

Карежа землю гусеницами, изрыгая горизонтальные столбы пламени, содрагаясь от отдачи своего орудия, черный танк с крещенными боками стремительно идет на блиндаж... На мгновение высунувшись на полкорпуса из укрытия, Макаров швы-

рывает под брюхо машины связку скрученных проволок гранат. Танк вздрагивает и, вращая уже только одной гусеницей, останавливается, бессильно кружа на месте.

— На тебе еще! — Бутылка с горючей смесью разбивается на броневой башне... Фосфорные искры летят во все стороны. Огненные языки охватывают танк; точно расплавленная лава, течет пламя по броне. Схватив автомат, Макаров расстреливает пытающихся выскочить из горящей машины фашистов. Уничтожив второй вражеский танк, героически гибнет Кузнецов...

Из всех защитников блиндажа в живых остается лишь Макаров. Он тяжело ранен, горячей кровью намочили его повязки, но он не перестает стрелять...

И вдруг гневным языком начинает говорить наша артиллерия с соседнего холма. Развернутой цепью бросаются гвардейцы на новый штурм высоты, на выручку своим...

Немцы разом переносят огонь на наступающие подразделения. Но Макаров кинжальным огнем своего пулемета подавляет вражеские огневые точки, расстраивает немецкую систему огня...

Гвардейцы врываются на высоту, забрасывают фашистские блиндажи гранатами, уничтожают обороняющихся высоту фрицев... Окруженный товарищами, истекающий кровью Макаров в последнее свое мгновение увидел нашу победу!..

Много месяцев прошло с тех пор, много новых подвигов прогремело по батальонам дивизии, но и поныне, собираясь на коротком привале в хате ос-

вобожденной станицы, часто запевают гвардейцы сложенную ими бесхитростную песню о героях «Высотки Восьми...»

...И там, где ложатся снаряды,
Где мужеством дышит страна,
Где слава гремит Сталинграда
В степи есть высота одна.

Там восемь гвардейцев героев
Готовили немцам конец,
Заслон беспримерный устроив
Из сплава отважных сердец...

Немцы решили любой ценой вернуть донские переправы. Они бросили в бой десятки своих танков. Придонские поля, точно саранча, усеяли, идущие цепями в атаку фашистские бандиты...

Здесь в ряд с восемью героями железной гвардейской обороны встал Петр Варфоломеев. Бой его с целым взводом немецкой пехоты — разве не подтверждает он нерушимый гвардейский закон, что и один боец в поле воин, если он сражается, как положено гвардейцу. — самоотверженно и с умением...

В одной из ожесточенных наших схваток с врагом вышел из строя командир подразделения.

— Слушать мою команду! — приказывает гвардии сержант Петр Варфоломеев... И контратакующее врага подразделение, не сбавляя темпа, продолжает безостановочно продвигаться вперед, громя подлую немчину. Решительным ударом гвардейцы выбивают врага из его окопа...

Но в этом окопе Варфоломеев оказался один. Товарищи его все погибли в неравном бою.

Немцы кидаются в одну атаку за другой, ведут по храбрецу бешеный огонь. Варфоломеев неуязвим. Он непрерывно меняет свою позицию, перебегая из одного окопа в другой, посылая по врагам меткие очереди из автомата...

В разгаре схватки замолк поврежденный автомат. Вражеское кольцо сжимается.

— Гвардия, сдавайс! — неистово кричат на ломаном русском языке рвущиеся вперед гитлеровцы.

Этот звериный вой еще больше разжег ярость бесстрашного воина. Жгучая ненависть к врагу точно удесятирила его силы.

Варфоломеев собрал в окопах два десятка гранат и ими начал разить немцев.

Варфоломеев был ранен, но продолжал драться, как богатырь. Отвоеванная им родная земля давала герою-гвардейцу неиссякаемые силы. Он защищал занятый рубеж до подхода нашего подразделения. На поле боя, где сражался Варфоломеев и его товарищи, было обнаружено шестьдесят пять вражеских трупов...

Захватывая одну за другой станицы Яблонскую, Шохин, Хохлачев, гвардейцы продолжали теснить врага, уничтожив при своем продвижении пять с половиной тысяч солдат и офицеров противника и около пятидесяти его танков...

Так сражалась Гвардия под Сталинградом, выполняя приказ Великого Сталина.

— Здорово дрались сегодня корнауховцы? — спросил после боя генерал у бойца подразделения, где командиром был Дробышевский.

— Крепко дрались, — с восхищением подтвердил гвардеец... Но после минутного молчания добавил, — только я думаю, товарищ гвардии генерал-майор, наши бы еще лучше дрались!..

Горячая трогательная любовь к родной части крепла в сердцах гвардейцев.

Недаром говорил Суворов, обращаясь к своим чудо-богатырям перед тем, как вести их в победный бой:

«Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что никто не может противостоять силе оружия российского»...

И ни одному пятну не позволили суворовские солдаты замарать добытой в многолетних боях славы своих знамен.

Чувство великой преданности традициям своего соединения, традициям Гвардии, — что это за могучий источник моральной силы!..

Неписанные законы Гвардии — законы мужества и отваги, беспредельной жертвенной преданности отчизне, нерушимой верности вождю Красной Армии Сталину, стойческого отношения к лишениям, тяготам и трудностям боевой жизни, законы железной спайки и взаимной выручки в бою, готов-

ности в любую минуту, если потребуется, отдать жизнь во имя чести Знамени, — эти законы вошли теперь в плоть и кровь гвардейцев, — бойцов, командиров, политработников.

И если время, когда дивизия завоевывала гвардейское знамя, было ее мужественной юностью, если бои под Сталинградом стали суровой школой, ведущей ее к воинской зрелости, то дни сражений соединения на среднем Дону явились полным выражением этой зрелости.

Теперь это была Гвардия в полном высокого величия и непреклонной силы значении этого слова!..

Генерал Онуфриев не раз проходил в эти дни со своим начальником штаба глубоким заснеженным оврагом к наблюдательному пункту соединения. Подогнав машину к балке, генерал оставлял свое место за рулем и шел вперед. Наблюдательный пункт был расположен на восточном берегу Дона, на небольшой высоте, поросшей сухим кустарником. Перекрытый толстым накатом и замаскированный бурьяном, он давал возможность широкого и удобного наблюдения.

В меховой шапке-ушанке и распахнутом, по привычке, на груди овчинном полушубке генерал боком прошел по узкому соединительному ходу в блиндаж.

В сотый раз разглядывал он сквозь сильные стекла бинокля противоположный крутой берег Дона. Суровые, выбеленные зимними стужами

обрывистые склоны казались обледенелыми, лишенными всего живого. Поперечные расщелины оврагов сбегали к Дону... Но генерал знал,—участок этот представляет собой мощный немецко-итальянский оборонительный район. В самой излучине, похожей на перевернутое римское V, железной сеткой лежало сплетение дотов, огневых точек, непреодолимых проволочных заграждений, минных полей... В неприступные укрепрайоны были превращены деревушки Красногоровка и Оголево, расположенные на берегу Дона, и идущие за ними высоты, прикрывающие выход на стратегически важное шоссе.

Это были дни выжидания перед неудержимым броском вперед, представлявшим один из этапов гениального сталинского плана разгрома фашистов на среднем Дону...

И в эти дни, когда по занесенным метелями дорогам двигались обозы дивизии, подвозя пушки, боеприпасы и фураж,—разведчики—глаза и уши дивизии—неутомимо день за днем собирали данные о фашистской обороне... Скрытыми наблюдательными пунктами были снежный холмик, кустарник на берегу, скат оврага,—откуда, притаившись в белых маскахалатах, не отрывая глаз от обмотанной для маскировки бинтами стереотрубы, гвардейцы-разведчики часами выслеживали жизнь в логове врага, занося малейшие события в журналы.

Отважный разведчик, гвардии старший сержанг Юрьев с бойцами Корниловым и Осиповым темной ночью перебрались по замерзшему Дону на вражеский берег, протянув с собой телефонный провод...

Искусно и скрытно велась разведка, чтобы не дать врагу разгадать наши замыслы. А на карте расположения противника в разведотделе дивизии все новые и новые «белые пятна» заполнялись странными значками — треугольный флажок, ломаная линия, стрелочка, напоминающая натянутый лук со вложенной стрелой,—это были разведанные вражеские штабы, провололочные заграждения, пулеметы...

Однажды генерал, поглощенный единой мыслью о скором наступлении, выйдя на рассвете со своим адъютантом к донскому берегу, увлекшись, перешел по льду Дон и, разведав сам расположение группы вражеских дзотов, вернулся точно ни в чем не бывало назад...

По ночам гвардейцы-саперы начали наводить переправу через Дон, забрасывая ее к утру снегом. Тонкий лед мог пропустить через себя лишь пехотные части. Нужно было обеспечить подброску артиллерии...

Гвардии подполковник Матвей Слепаков, начальник артиллерии дивизии еще задолго до дня наступления запланировал работу «богов», как шутливо называл он свои пушки.

Ровно в восемь ноль-ноль в это памятное декабрьское утро грохочущая лавина стали, заставив содрогнуться воздух и земную твердь, пала разом на голову врагу.

Заговорили грозные 122-миллиметровые гаубицы с броневыми щитками, покрашенными известью, востроносенькие противотанковые пушечки, огнедышащие трубы минометов всех родов, от тяжелого до ротного. Каждые полминуты отдают командиры взводов команды — «пли!», и дружные винтовочные залпы всех подразделений вплетают свои голоса в немолкнущие громовые раскаты «бога войны»...

«Подали голос» вражеские узлы сопротивления, и тридцать фашистских бомбардировщиков появились над переправой через Дон. Стервятники завертелись в дьявольском своем хороводе. Ныряя один за другим, они рушат на переправу сотни авиабомб. Но сквозь истошный крик сирен, сквозь грохочущее пламя взрывов гвардейцы, миновав переправу, уже продвигаются вперед... Неудержимо рвутся вперед бойцы корнауховского подразделения. Глубоко врезаются во вражескую оборону гвардейцы Дробышевского.

Фашистские пикировщики развернулись и теперь они идут над головой наступающих бойцов. С резким треском, точно распоров небо, разрывается шрапнельная бомба. В прозрачном небе медленно растекается черный, будто клякса, зловещий дым. Следом за первой, далеко разбрасывая смертоносные осколки, рвутся новые бомбы... Бьются на земле лошади, волоча кровавые лохмотья внутренностей. Но артиллеристы под огнем уже выпрягают коней, тащат орудия на руках и, развернув, с открытых позиций бьют по врагу...

С высот, прикрывающих шоссе, безостановочно стреляя из орудий, поползли вражеские танки. За ними в контратаку идет целый батальон фашистов-чернорубашечников... Гвардейцы залегли за пулеметами, крепче сжали автоматы, с сумрачной ненавистью они прислушиваются к разноголосому крику фашистов...

— Немецких психов били, побьем и макаронников!

В броне итальянских танков, выкрашенных рыжим, в цвет пустыни, переброшенных, верно, из Ливии, дымится аккуратно вклепленные в самый лоб нашими противотанкистами пробоины...

Фашистская атака смята. Все сильнее нарастает гвардейский удар...

То стремительно падая в снег, то резким броском продвигается вперед подразделение гвардии старшего лейтенанта Василия Морковина. Близка уже окраина деревни. Еще бросок вперед под градом вражеских пуль, и подразделение залегло на последней перед атакой грани—рубеже накапливания. Точно свистящее лезвие стального ножа ходит над головами гвардейцев перекрестный огонь фашистских станковых пулеметов, не давая поднять голову. Враг ждет атаки. И точно в истерике, захлебываясь, вперехлест, работают его пулеметчики.

Притаившись за грудой занесенных снегом кирпичей, время от времени посылая по врагу очереди из автомата, Морковин выжидает, когда поддерживающее его подразделение сосредоточит свой огонь по вражеским огневым точкам. Лишь на мгновение примолкли вражеские пулеметы, и Морковин бросает свое подразделение вперед. Смелым рывком

гвардейцы достигают крайних домов деревни, врываются во вражеские блиндажи и дзоты, во все сметающем гвардейском порыве вышибая из них фашистскую нечисть.

И вдруг в одном из подавленных нашим огнем дзотов «оживает» огневая точка. Фашистский пулемет преграждает подразделению Морковина дальнейший путь. Медлить нельзя. Враг может перейти в контратаку. Тогда гвардии старший сержант Али Аменов, презирая смерть, ринулся вперед. Вот уже до фашистского дзота остается лишь тридцать метров. Но враги открывают по герою сильный автоматный огонь. Аменов залег. Новая решительная перебежка, прыжок, и Али — в ходе сообщения. Оттуда он врывается в дзот.

В неясном свете, проникавшем через амбразуру, Али увидел двух фашистов, лежащих спиной к нему за пулеметом. Выхватив из ножен штык, Али кинулся на бандитов и заколол их...

Пулемет замолк. Дорога гвардейцам была открыта...

Аменов в боевом порыве ринулся по ходу сообщения дальше и, ворвавшись в следующий вражеский блиндаж, захватил в плен четырех солдат и офицера противника...

«Чудо-богатыри, вперед! Мы — русские!»

Давным-давно! прозвучали эти вдохновенные слова великого русского полководца Суворова.

«Ни шагу назад. Только вперед. Если убьют и то головой вперед падай!» — точно отзыв откликнулся им через столетие гордый чапаевский призыв.

— Гвардия, вперед! — гремит, не умолкая, по над Доном победный клич советских гвардейцев и вперед устремлены знамена, несомые бесстрашными солдатами сталинской Гвардии!

«Я решил, — заканчивал свое боевое донесение в штаб гвардии генерал-майор Онуфриев, — главный удар нанести в направлении высот, скользя противника на широком фронте, с последующим прорывом его обороны в районе 144,6 с задачей окружения и уничтожения противника...».

Четыре дня в районе высот, прикрывающих шоссе, идут бои предельного напряжения. То падает, то вновь нарастает сопротивление бешено огрызающегося врага. Фашисты, видимо, идут ва-банк, подбрасывая на важный участок свежие, хорошо обученные резервы. Не умолкает ни на минуту завывание пикировщиков. Хвостатые тонны немецкого металла со свистом, переходящим в рев, летят из-под облаков, пытаясь остановить наступающие гвардейские части. Бьет фашистская артиллерия, и черные, качающиеся деревья взрывов, встают над степью. С высот, занятых врагом, испепеляя все на своем пути, ударили дымно-огненные струи, — это заработали вражеские огнеметы.

Росло сопротивление врага, но вдвое и втрое его перекрывала еще стремительней возрастающая мощь гвардейского удара...

Боевые донесения генерала и его начальника штаба, сообщая о яростных контратаках врага, заканчиваются неизменным:

«Решение остается прежним».

Не затихает схватка. И, как бои под Сталинградом создали рыцарей обороны Макарова, Петра Варфоломеева, так грозный наступательный порыв декабрьских боев выковывает героев наступления. Героизм становится массовым, точно огненный, сотрясаемый артснарядами воздух наступления рождает его...

Гвардии красноармеец Богданов с тремя товарищами врывается в блиндаж, где засели двадцать три фашиста. Схватка. Богданов ранен в руку. Он роняет автомат. Выхватив клинок, гвардеец убивает пятерых фашистов, а остальных берет в плен...

Гвардии младший лейтенант Иван Парасюта, украинец с железной выдержкой и твердой волей, связист. Наша рация под артиллерийским обстрелом врага. Разрыв снаряда — рация выведена из строя. Парасюта под обстрелом восстанавливает ее работу... Вновь рвется тяжелый артиллерийский снаряд. Силой взрыва Парасюта отброшен в сторону. Он оглушен. Но лишь возвращается к нему сознание, первая мысль его о рации. Связь со штабом должна быть восстановлена! Младший лейтенант подползает к радиостанции и косяченными на морозе руками вновь восстанавливает связь.

Словно затеяв поединок с человеческой волей, вражеский самолет в третий раз выводит рацию из строя.

В третий раз, стиснув зубы, приступает Парасюта к исправлению поврежденной рации. Победа сама не приходит, ее надо завоевать,—вспоминает Парасюта сталинские слова. И точно прибавляется у него силы. Железо артиллерийских снарядов и пулеметных очередей не может сломить волю гвардейца. Связь со штабом должна быть восстановлена. И она восстановлена!.. И когда тут же Парасюта узнает о разрыве проводной связи, он ползет под огнем врага по снежному полю и в трех местах связывает провода...

Перед началом боя короткие, горячие митинги прошли по подразделениям дивизии, как дуновение пламени. Здесь прозвучали суровые и краткие клятвы гвардейцев, здесь вспомнили о прошлых боевых делах соединения и поклялись не посрамить памяти его героев.

Но и в разгаре сражения не ослабевала полит-работа. Всегда там, где решался успех схватки, видели гвардейцы фигуру своего полкового агитатора Николая Савчука, пламенным словом и личной храбростью показывавшего пример бойцам.

Когда гвардеец-пулеметчик Рязанов, выдвинувшись впереди своей роты, расчистил ей путь, истребив около сорока фашистов, и дважды раненый, не оставил своего места за «максимом», ротный агитатор Мамажбаев, там же, на поле боя, выпустил боевой листок, и, как птица, полетел тот боевой листок от гвардейца к гвардейцу... Еще не успели санинструкторы перевязать раны Рязанова, как сила его подвига вдохновила и повела к победе новых героев...

Четвертые сутки идет бой у излучины Дона. Четвертые сутки не уходит с позиции нацистского Сачук, твердый, с собранной в кулак волей, человек, яснотой мысли и упорства которого не могут сломить ни три бессонных ночи, ни сверхчеловеческое напряжение этих дней. На гвардейском кинжале его чеканная надпись «От рабочих завода имени Кирова». Быть может стала ленинградской варки передала ему свои качества!

Чуть сощурившись, склонился над картой генерал, краем мундштука прочерчивая избранное направление удара. И за добродушными русскими чертами его лица угадываешь непреклонную настойчивость.

— Решение остается прежним.—Так будет написано в боевом донесении и сегодня...

Четвертые сутки идет бой. Гвардии капитан Мубаракшин первым врывается с группой бойцов на высоту, занимаемую фашистами, захватывает вражескую батарею и поворачивает орудия, разогнувшего и начавшего отходить врага. — Точно перекрывая громовой грохот битвы и клочкотание огнеметов, звучат его слова:

— Из вражеских орудий, вражескими снарядами, по отступающему врагу, батареей, огонь!

Хребет фашистского зверя сломан...

Бандиты в беспорядке отходят по грейдеру, ведущему в тыл. Разгромленного зверя надо добить, нельзя выпустить его из логова, да еще с частью обозов и пушек, которые он тащит с собой.

Задача «оседлать» шоссе возложена командиром полка на гвардии лейтенанта Сергея Борисова.

Всегда, когда боевая обстановка требовала резкости, когда темп боя тормозился и решительным образом требовалось преодолеть эту инерцию, командир подразделения гвардии майор Кобец бросал в бой Борисова с его автоматчиками.

— Борисов «рванет», — говорил Кобец, — и никогда не ошибался в своем выборе.

Так было два дня тому назад у одного из вражеских опорных пунктов, где белокурый двадцатилетний лейтенант, мягкий и даже женственный с виду, расчленив свое подразделение надвое, штурмом, с криком «ура», взял восемь вражеских дзотов, забрасывая фашистов гранатами и приканчивая не успевших бежать в ходах сообщения.

Так было и сейчас. Гвардейцы-автоматчики Борисова пошли наперерез катившейся к югу вражеской лавине и пересекли ей дорогу. С железным скрежетом остановились фашистские «фиаты», сбились в кучу мулы с сотнями повозок, напруженными военным добром, создав гигантскую пробку, закупорившую выход вражьей колонне. Задание было выполнено.

Но в бою у грейдера гвардии лейтенант Борисов был смертельно ранен. Он лежал на снегу, широко разбросав ноги, будто и теперь еще стремясь неудержимо двигаться вперед, точно подхваченный яростным ветром наступательного порыва...

И когда гвардейцы, кинувшись к своему командиру и, сорвав с головы шапки, на руках подняли тело, которое уже покидала жизнь, Борисов раскрыл глаза и сказал, точно не веря еще в то, что

смерть может остановить его безудержное движение вперед:

— Товарищи, я, кажется, убит...

Нет стыда позорнее, чем стыд отступления и нет счастья выше, как видеть поверженного в прах сильного врага, чья мощь сломлена твоим упорством, кровью твоей, многодневными жестокими боями с ним.

Ты вспоминаешь грозные дни первых вражеских контратак, многочасовые налеты юнкерсов, чьи воюющие бомбы хотели запугать тебя и сломить. Не удалось!

И, преодолев тяжесть этих дней, ты заметил, гвардеец, первое колебание врага, ты увидел, как дрогнули его ряды, расстроенные твоей автоматной очередью в упор, ты услышал, как, вопя, выбегают горящие, как факелы, фашистские танкисты из танка, подожженного тобой, ты почувствовал, как входит твой отточенный клинок меж ребер фашистского убийцы...

И, торжествуя, и впервые научившись улыбаться за тяжелые дни боев, ты увидел, как бегут прочь орды битых тобой захватчиков.

Наступило время, избранное гением Сталина, когда мощь армии и сила ее моральная созрели для нанесения врагу сокрушительного удара...

Подняв над освобожденной землей победные гвардейские знамена, вызволяя из вражеского

плена одну станицу за другой, шли вперед гвардейские полки и дивизии на среднем Дону...

С жаской и любовью, со слезами счастья на изможденных месяцами черного плена лицах, встречали их жители освобожденных станиц. Враг отходил с боями, он пытался опрызаться, цепляясь за стоящие на пути его отхода населенные пункты...

Вновь падали немецкие пулеметчики за черные крупковские пулеметы. Вновь истерично звучали команды отошавших обер-лейтенантов, посылавших в контратаки обезумевших от холода и бесконечных переходов эсэсовских головорезов...

Разящий меч Гвардии беспощадно уничтожал врага, не желающего сдаваться.

Продвигавшаяся к югу «на плечах врага» дивизия, достигнув Журавки, получила от своих разведчиков сведения об опрошном скоплении фашистов в хуторе Арбузовка, превращенном в укрепленный пункт.

Командир группы разведчиков гвардии младший лейтенант Девятов со своими бойцами на рассвете вышел к окраине этого хутора, окружил дом, занятый фашистами, и ворвался в него. Двадцать девять бандитов были взяты в плен и отправлены с конвоиром в штаб, а сам Девятов продолжал разведку, с тем, чтобы уточнить данные, добытые у пленных... Восемь самоходных орудий, четыре минометных роты, предположительно, танки... Тысячи солдат — немцев и итальянцев.

По дороге, ведущей из Журавки на Арбузовку, в лоб врагу двинулось подразделение Корнаухова, левее, чтобы ударить ю боку по Арбузовке, стали

заходить, прикрываясь рощей, гвардейцы майора Кюбца.

Гвардии майор Дробышевский повел свое подразделение из хутора Верхняковского глубоким обходом, чтобы напасть с тыла на вражескую группировку. Как и всегда, генерал ставил перед этим смелым и решительным командиром задачу, требовавшую быстрого маневра, стремительности, остроты в решении.

К полкам дивизии, охватившим Арбузовку и с севера и с юга, присоединились полки «соседа» — гвардейского соединения, действовавшего рядом.

По снежным полям, то прячась, то пунктиром пробегая от холмика к холмику, протянулись от полков провода к штабу, карликовыми очередями «точек-тире» заработали рации...

Враг был в западне. И гвардейцы, научившиеся многому, — невиданной стойкости в обороне и могучему напору в наступлении, — сегодня, отсекая врага, несравненно превосходящего их численно, готовились к бою на уничтожение противника...

Оскаленная Волчица, к железным соскам которой прильнули два младенца Ромул и Рем — основатели Римского государства — гордый герб дивизии «Пасуббио», ты должен был отстаивать ныне свою разбойничью честь здесь, на безвестном хуторе Арбузовка. Руку на тебя занес русский генерал и три командира его гвардейских полков.

Разъяренный бык, в бешенстве устремленный вперед — герб итальянской дивизии «Ториньо» — защитят ли сегодня тебя прибывшие лишь неделю тому назад из Рима лощенные итальянские офицеры с пестрой радугой орденовских ленточек на груди!

Серебряные топоры в связке розог, на фоне черного языка пламени—знак фашистской «гвардии»—чернорубашечников... Сегодня придется матерым фашистам держать ответ за черное хозяйничанье свое на нашей земле перед Гвардией.

Дивизии «Равенна», «Челере», уланы «Аоста», 298 пехотная немецкая дивизия...

Фашисты готовились нанести по кольцу, охватившему их, удар, разорвать его и пробиться к своим...

Десятки осветительных ракет взвились над передовой линией врага, когда поздней декабрьской ночью гвардейские полки атаковали позиции противника.

Разом заговорили фашистские пушки и тяжелые пулеметы из специально оборудованных блиндажей. И с высот, прикрывавших Арбузовку с севера и обращенных в укрепрайоны, тысячеголовой ордой потекли вниз контратакующие фашистские части...

...Говорит «Метель», говорит «Метель», говорит Овчинников, — вызывает рация с передовой начальника штаба соединения.

— Говорит Овчинников... У меня двадцать пять бойцов... двадцать пять... противник наступает силой до двух тысяч штыков... двух тысяч... Умрем, но не отойдем, не отойдем... помогите нам...

На скате холма, обращенного к врагу, закрепилась группа гвардейцев под командованием гвар-

дии майора Овчинникова. За холмом овраг—в нем штаб, радия.

Верно слава «Высотки восьми» осеняет этот холм, где противник ничего не может добиться ни своим сорокакратным численным превосходством, ни нескончаемым потоком железа, которым заливают он позиции гвардейцев.

С каждым разом растет количество атакующих. Девятая атака двухтысячной фашистской оравы отбита горстью гвардейцев.

Не чудо ли это? Нет. Это стоят гвардейцы. И командует ими Овчинников.

Надо знать гвардии майора Владимира Овчинникова, ненависть его к немцу, буйную горячую кровь его, бесстрашное русское сердце, у которого сверкают ордена Ленина и Красного Знамени. Надо вспомнить путь, пройденный славной гвардейской дивизией.

Три машины с резервами, брошенными на помощь Овчинникову, стремительно летят по дорогам вперед...

Но враг, очертя голову, уже бросается в десятую отчаянную атаку, ставя на карту все, лишь бы прорвать наше кольцо. Бандиты настолько близко подкатываются к позициям гвардейцев, что огонь наших минометчиков становится уже недействительным...

И тут происходит то, что застывает сердца фашистов наполниться изумлением и ужасом.

Овчинников поднимает горстку своих храбрецов в контратаку. Со склона холма, вскинув автоматы, стремительно идут они на врага. Яркой киноварью

и золотом сверкают на их груди гордые знаки непобедимой советской Гвардии — рубиновая звезда в лавровом венке победы!..

— За Родину — зовет идущий впереди цепи командир.

— Гвардия! За Сталина! — подхватывает неожиданно новая волна голосов его призыв.

Это, захваченные великим патриотическим порывом, бегут из-за холма и вливаются в ряды контратакующих связисты, минометчики, артиллеристы, на время оставившие свое оружие, чтобы с автоматами в руках встретить атакующего врага и отбросить прочь!..

Враг не выдерживает этой контратаки. Воля его сломлена. Большие разрозненные группы фашистов бегут к хутору... Гвардейцы преследуют бандитов.

Пулеметчик комсомолец Вениамин Шиншлов со своим пулеметным расчетом выкашивает до взвода фашистской пехоты, и, не отрываясь, двигается за бегущим врагом. Гвардии сержант Николай Огорельцев, прорываясь к вражеским блиндажам, огнем и штыком уничтожает фашистов и вновь увлекает за собой свое отделение.

Все сильнее сжимаются наши железные клещи. По самой Арбузовке, в которую враг теперь оттеснен, отовсюду начинает бить грозный молот гвардейской артиллерии и минометов.

Враг еще пытается сопротивляться. Но поздно. Бой идет уже на окраинах деревни... Забрасывая гранатами через окна дом, в котором закрепились фашисты, гвардеец Юлит Мавиланов уничтожает восемнадцать фашистов и тридцать берет в

плен. Гвардейцы бьют врага прикладами, колят штыками.

Две тысячи фашистских солдат и офицеров, сдались нам в этот день в Арбузовке в плен.

Не удалось лишь обнаружить командующего группировкой фашистского генерала Чилинского, который улетел, якобы за помощью, объявив о подходе на выручку к окруженным войскам одной пехотной и одной танковой дивизий.

Весело усмеваются гвардейцы, услышав об этом от пленных.

— Не уйдет!

И генерала гитлеровского сможет найти пуля советского гвардейца...

Горько взвыла бы железная Римская Волчица с герба дивизии «Пассубио», если бы прошла в тот день по закопченным трупам, которыми завалены были дороги Арбузовки, и пересчитала сотни и тысячи припорошенных молодым снегом черно-рубашечников, берсальеров, уланов... Многих дивизий не досчитались с этого дня фашисты. И тяжелые наши грузовые машины, везущие боеприпасы к уже передвинувшемуся вперед фронту, не могли проехать в этот день по улице, полной мертвецов.

Вот уже на исходе тысяча девятьсот сорок второй год.

Кружат по широким степным просторам декабрьские метели. Точно вынесенные снежной пургой из ночи, по военным дорогам, не отпуская от себя врага, грома и преследуя его, отрезая ему пути отхода, двигаются гвардейские полки.

В теплых валенках, в меховых шапках, в добрых шинелях с поддетыми ватниками, идут гвардейцы. Багровы от зимних стуж лица бойцов... Верный автомат на груди. Неистребимая ненависть к врагу в гвардейском сердце, пламенная отвага.

На пути соединения — Миллерово. За ним — земля истерзанной гитлеровскими палачами родной Украины. Миллерово обороняют отборные фашистские войска—эсэсовцы, горно-стрелковая дивизия, немцы и итальянцы...

Маленькие деревушки—Гурьево и Оленовка на подступах к Миллерово превращены в крепости. В районе Миллерово сосредоточен мощный артиллерийский кулак. На аэродроме у западной окраины города—самолеты, по железнодорожным путям, грохоча на рельсовых стыках, день и ночь патрулирует бронепоезд. Обороной города руководит немецкий генерал-лейтенант, специалист по арьергардным боям.

...В новогоднюю ночь, когда часовая стрелка указывала на цифру двенадцать, а минутной оставалось пройти лишь несколько делений до того, чтобы войти в новый, 1943-й год, неестественная, необычная тишина наступила над нашей передовой линией, охватывающей Миллерово стальным полукольцом от северных до юго-восточных окраин.

Последние секунды отсчитывает хронометр на ладони Матвея Слепакова, начальника артиллерии дивизии.

— Огонь! — разносят протянувшиеся ко всем подразделениям телефонные провода.

Как будто титанической силы обвал обрушился на позиции врага. Все средства артиллерии, огонь минометов, винтовочные выстрелы сливаются в «новогодний тост», который преподносят гвардейцы фашистам.

Гитлеровцы не ожидали гвардейского «подарка»... Рушатся толстые накаты вражеских блиндажей, языки дымного пламени взмывают в стане врага в ночное небо... Через некоторое время фашисты пытаются ответить нам тем же. К блиндажам, занятым гвардейцами, с глухим шумом разрывая воздух, летят фашистские снаряды. Но, видимо сокрушительный залп гвардейской артиллерии внес замешательство в ряды врага. Святая Варвара, покровительница итальянской артиллерии, чью иконку таскают с собой артиллеристы-макаронники, и на этот раз плохо помогает врагу!

Громовой этот артиллерийский разговор гвардейцев с врагом кладет начало битве между нашей и вражеской техникой.

304265

Гитлеровцы ведут по нашим позициям мощный артогонь, работает ДД — фашистская артиллерия дальнего действия. Гвардейцы-артиллеристы соединения — ивановцы, ивановские металлисты — перекрывают вражеский огонь силой своего удара...

— Пусть умру я на лафете своего орудия, — говорит артиллерист Шатаев, — но боевой приказ выполню!. И летят на воздух четыре немецких блиндажа и наблюдательный пункт, грохнут подавленные огневые точки врага... Выкатывают на открытую позицию свое орудие гвардейцы Маясов и Шут...

Фашисты бросают против гвардейцев танки и трижды знакомые юнкерсы опять бороздят высокое небо над нашими позициями. Ночью перед своими блиндажами гвардейцы выкладывают линию костров, указывая нашим ночным бомбардировщикам путь на военные объекты врага. Пораженные бомбами горят фашистские укрепления...

Темной ночью полковой инженер Николай Щербак с группой гвардейцев-саперов под ураганным огнем врага рвет железнодорожную линию Миллерово — Воронеж.

Так борются советская сталь и сталь Круппа, динамит, броня, моторы...

Но в смертельном этом единоборстве победа достается людям, чья воля крепче того железа и стали, а в жилах кипит горячая гвардейская кровь...

— Бой завтра будет жаркий. Жестокий бой... Может, придется и голову в нем сложить, — негромко, точно в задумчивости, закончил гвардии майор Овчинников, — и прямой и смелый взгляд его встретился со взглядом Корнаухова.

Где-то, видимо недалеко от командирского блиндажа, глухо разорвался артснаряд. Дрогнули бревна наката, тонкая струйка песка побежала по стене... Нарастающее напряжение схваток с прочно закрепившимся врагом, многодневная осада его укрепрайонов требовали своего разрешения.

Завтра на рассвете было решено штурмом овладеть рядом блиндажей, проломив передний край фашистской обороны.

— Ты что же, Владимир Сергеевич, раскис? — улыбнувшись одними глазами, спросил Корнаухов, внимательно вглядываясь в своего любимца, «правую свою руку», как он называл Овчинникова...

Душевная робость и Овчинников — были слишком несовместимые вещи. Это было известно всякому, кто знал гвардии майора, и вопрос был поставлен шутивно.

Однако Овчинников отвечал серьезно:

— Не выдерживает больше мое сердце... Не могу больше бить фрицев на расстоянии. Чего бы

это ни стоило, приказ генерал-майора будет выполнен. — Он твердо положил тяжелую ладонь на стол. — Я возьму эти блиндажи...

После короткого молчания Овчинников продолжал:

— А что касается смерти — это я серьезно. Есть старый гвардейский закон, который требует убить врага, а самому живу остаться. Так я бился с врагом, того буду держаться и в завтрашнем бою. Но ты знаешь, как обороняются эти блиндажи... Так или иначе они будут взяты.

В этом железном человеке как будто воплотились лучшие гвардейские черты прославленных сынов дивизии — самоотверженность Макарова, безмерная ненависть к врагу и богатырская сила Петра Варфоломеева, рвущееся вперед бесстрашие лейтенанта Борисова.

Человека с такими качествами могла породить лишь дивизия, прошедшая суровый и гордый боевой путь, принесшая свое гвардейское знамя сквозь тяжелые испытания жестоких схваток с врагом, воспитавшая бойцов и командиров на священной преданности своим боевым традициям, традициям русской Гвардии.

...Овчинников выбрал момент для атаки, когда три наших снаряда один за другим разорвались у флангового вражеского блиндажа...

Сквозь черные клубы дыма и медленной пыли, сквозь хлеставший свинец, направленный по атакующим из соседних блиндажей, сквозь короткие злобные разрывы мин — он бросил свое подразделение вперед...

Овчинников шел впереди в распахнутой, развевающейся, как знамя на ветру, шинели...

— Гвардия, вперед! — гремел его голос. И сила слов этих вела людей сквозь пламя и смерть, вырывавшую героев одного за другим из атакующей цепи.

— Гвардия, вперед! — стиснув в правой руке наган, с зажатым в левой — кинжалом, расчищая себе дорогу уже в ходе сообщения, первым ворвался Овчинников во вражеский блиндаж.

Пули взвизгивали у его головы. Бандиты, сгрудившись в блиндаже, отстреливались.

Майор бил их из нагана, резал ножом, переступая через трупы. Восемь фашистов он повалил ударом своего клинка. Овчинников прорывался к двум брошенным фашистами пулеметам, глядевшим в направленные под углом амбразуры... Он прильнул к смотровой щели, и сердце его похолодело от боли и бешенства. Засевшие в двух дзотах фашистские пулеметчики перекрестным огнем били по нашей наступающей пехоте.

Майор кинулся к пулеметам. Работая то одним, то другим пулеметом, Овчинников подавил огневые точки врага...

Он выбежал из блиндажа, продолжая руководить борьбой своего подразделения. Повсюду кипела ожесточенная рукопашная схватка. Гвардейцы овладевали блиндажами — один за другим.

В первом захваченном Овчинниковым блиндаже теперь уже находился штаб полка, и прибывший генерал, распахнув на груди полушубок, как всегда спокойно, но с какой-то еле уловимой интона-

цией, требовавшей беспрекословного повиновения, отдавал приказания.

Враг выбит уже из девяти блиндажей и откатывается дальше.

— Вперед, Гвардия! — вновь раздается голос Овчинникова. И Гвардия идет вперед...

Вражеская пуля поразила его в голову. Почти мгновенной была смерть. Овчинников упал, сделав последний шаг вперед. Он упал навзничь, откинув в сторону руку, обрызганную кровью врагов, с насмерть зажатым в ней гвардейским клинком, точно указывая им путь своему подразделению.

Две тысячи трупов оставили на холодном русском снегу фашисты на улицах Миллерово и на дорогах, ведущих от него к западу.

Ломая упорное сопротивление врага у рабочего поселка, захлестывая правым своим крылом вражеский аэродром, сокрушая на своем пути еще огрызающиеся блиндажи, — гвардейское соединение вошло в завоеванное Миллерово.

Еще шли бои в самом городе за каждую улицу и дом, еще не стихло победное русское «ура!», с которым враг был выбит из городского вокзала, а передовые отряды дивизии уже вступили на землю Украины и пошли по ней вперед и вперед...

Отвороты сапог у солдат одного из полков старой русской армии были ярко-алого цвета... У полка была высокая боевая слава, добытая им в кровопролитном сражении с врагом. И в память дня,

в который войны, сражаясь «по колено в крови», завоевывали победу, отечество дало полку эту торжественную форму.

Злая кровь захватчика-врага... Щедро напоили ею родную землю богатыри-гвардейцы на своем победном пути, чтобы неповадно было врагам во веки веков не только ступить на нее ногою, но и вспомнить о просторах нашей отчизны.

Высокую хвалу воздала вам, гвардейцы, Родина за боевые подвиги. Удостоила высшей чести — с оружием в руках отстаивать землю отцов и матерей, землю предков, землю социализма. Назвала цветом и славой оружия своего. Увенчала славой.

Многое дала, но и многое спросила.

Смертным боем, не зная устали, покоя не ведая, не щадя ни крови своей, ни жизни, приказала Родина разить проклятого захватчика везде и повсюду. На полях и в лесах, любым оружием, днем и ночью приказала бить фашистского гада до полного его уничтожения, до полной нашей победы!..

Сила гитлеровских звериных полчищ еще не сломлена. Впереди — новые грозные схватки с врагом.

В первых рядах победоносной Красной Армии — сталинская Гвардия. В железном строю устремленных вперед гвардейских дивизий, в огненном колыхании гвардейских знамен и твое, славная дивизия, пробитое осколками, омытое кровью лучших сынов твоих, гвардейское знамя.

Пусть осеняет нас оно
Своей потомственной славой,
Греметьшей на полях Полтавы
И на холмах Бородино!

Мы кровью пращуров своих,
Что это знамя окропили,
Клянемся быть достойны их
В отваге, мужестве и силе!

Точно торжественная клятва звучат над холмами
и полями Украины могучие слова гвардейской пе-
сни о знамени.

И грозowymi перекатами над родными просторами
далеко разносится мощный, ломающий все
преграды на своем пути, клич:

ГВАРДИЯ, ВПЕРЕД!

Редактор И. Фомина

Корректор Н. Пржевальская

НГ23352 8-VI 1943 г. Печать, лист. 13/4 Зак. № 369, Тираж 10,000. Цена 40 коп.
Саратов, Типогр. газ.-книжн. изд-ва Обкома ВКП(б)

40 KGH.

Aug 2